

# ВСТРЕЧА С ШЕКСПИРОМ НА ЭЙВОНЕ

«...Там, где бываем мы, если только мы умеем писать, там вслед за нами удастся побывать и вам». Это сказал Хэмингуэй, и сказано это, на мой взгляд, верно, ибо нет такого пишущего человека, который не стремился бы, чтобы читатель увидел и почувствовал то, что видит и чувствует он сам. И мне, как и другим, тоже хочется, чтобы вы увидели небольшой английский город Стратфорд-он-Эйвон и вошли вместе со мной в маленький дом с островерхой крышей, которому больше четырехсот лет.

В этом доме родился Шекспир.

Тиха деревянная люлька у материнской кровати, темнеет в кухне огромный кирпичный очаг; рядом с редкими изданиями и портретами хранится и старая классная доска, по традиции известная, как школьная доска Шекспира. На стекле в одной из комнат оставили свои подписи Вальтер Скотт, Томас Карлейль, Генри Ирвинг, побывавшие некогда в доме-музее. Из всего подлинного, что сохранилось здесь с шекспировских времен, самое старое и самое подлинное, — это часть деревянной панели, сделанной из твердого, точно сталь, английского дуба, выставленная в рамке, как музейный экспонат. Но крепкий дом стоит, как и стоял, и нельзя без волнения думать о том, что в его стенах родился великий английский поэт, один из величайших драматургов мира; здесь он жил и дышал, по этим ступенькам ходил, в это окно смотрел... Неужели и он видел то же акварельное полуденное небо, ту же тень листвы на земле?..

С утра дом-музей полон народа. Рядом со мною переходили из комнаты в комнату четверо посетителей, по видимости иностранцев, — нервная супружеская пара и два пожилых человека, одетых как молодые: в спортивных курточках и пестрых платках на шее. Их сопровождал учтивый господин с седой головой и белым платочком в кармашке пиджака.

— Сейчас мы видели примечательный портрет знаменитого английского актера Вильяма Шекспира, — говорил он приятным, хорошо поставленным голосом. — Прошу, пройдемте в другую комнату. Здесь актер Шекспир родился. Как вы знаете, отец Шекспира был мелким ремесленником...

— Простите! — наконец сказала я, не выдержав. — Почему вы так настойчиво говорите: «актер Шекспир»? Или, быть может, я неверно вас поняла?

Седой господин тонко улыбнулся.

— О, нет, — вы поняли правильно! — ответил он любезно. — Я говорю только то, в чем совершенно уверен: это мой закон. Так я абсолютно уверен, что в этом доме родился прославленный актер Вильям Шекспир. Что же касается драматурга... — Он

развел руками, как бы извиняясь. — Существует столько теорий по поводу того, кто именно являлся творцом этих гениальных пьес...

Я испытала изумление и вслед неожиданную боль.

Тут, на родине Шекспира, вдруг услышать снова эту оскорбительную легенду, которая родилась совсем в другой стране, услышать отголосок давних, антинаучных теорий... Неужели живучи здесь до сих пор классовые предрассудки, отвергающие возможность того, что выходец из простой семьи, человек без высшего образования может быть создателем бессмертных произведений? Неужели до сих пор кощунственно тревожат великую память, отнимая у гения его создания, щедро раздавая их усопшим аристократам, то графу Ратленду, то графу Дерби, то философу Бэкону, то учившемуся в Кембридже драматургу Марло?

По счастью, этот случай оказался единственным.

Учтивый господин со своими спутниками остался в музее, и я, уходя, слышала его рокошущий голос: «В те годы знаменитый актер Вильям Шекспир...».

И вот вслед за другими я прохожу в старую церковь. Широкоплечий священник идет к выходу, длинная одежда его развеивается, открывая большие крестьянские ноги в черных башмаках. На суровых камнях играют, как котят, пушистые лучи.

Слева видна надгробная плита. Это могила Шекспира.

На камне по предсмертному желанию Шекспира вырезана надпись. Она звучит так:

«Добрый друг, ради Иисуса не тревожь прах, заключенный здесь. Будь благословен человек, который пощадит эти камни, и будь проклят тот, кто потревожит мои кости».

И снова с чувством боли я подумала об этой смятенной душе, об этом страхе, с которым на краю могилы бессмертный писатель заглядывал вперед, в будущее, где ему чудился кто-то, кто придет с заступом, чтоб потревожить его беззащитный прах... Из глубины веков он заклинал оставить надгробный камень в покое, и голос его был услышан. Могила Шекспира не переносили и не тревожили. Но не страшнее ли то, что по сей день находятся люди, которые тревожат память о нем, отбирая у него то, что ему всего дороже?

И тут, у великой могилы вспомнились мне бескрайние светлые дороги, которыми идет Шекспир по нашей стране, залитые огнями подмостки, где на разных языках советские актеры устами героев Шекспира го-

ворят о правде и любви, о ревности и предательстве, о тех титанических страстях, что спустя почти четыре века все так же волнуют людей...

В Стратфордском театре изо дня в день идут трагедии Шекспира — «Отелло» с Полем Робсоном, «Кориолан» с Лоренсом Оливье. Билеты на спектакли, которые будут идти в сентябре, были проданы еще в мае. Из дальних графств, из Шотландии и Уэльса, из зарубежных стран приезжают сюда люди, чтобы посмотреть хотя бы один спектакль.

Когда мы были в Стратфорде, шел «Кориолан». Оливье мы увидели после спектакля; он встретил нас в своей уборной, усталый, босой, в курпальном халате... Грим он успел стереть, но следы пережитой творческой страсти, стихающее, как волна, возбуждение еще остались на его утомленном влажном лице, и так знаком был этот волшебный отпечаток вдохновения, который делает в подобные минуты всех больших артистов чем-то похожими друг на друга...

Представляют ли в полной мере люди Англии, как знают и ценят в нашей стране веками создававшуюся английскую культуру, искусство, литературу? Мне кажется, далеко не всегда. Здесь, в городе Стратфорд-он-Эйвон, мы провели вечер в долгой беседе с людьми самых различных профессий — членами Общества англо-советской дружбы. И не раз выяснилось, что тот или иной новый наш знакомый просто душно уверен, что наше знание английской литературы, к примеру, заканчивается Диккенсом, а драматургия для нас кончается на Шекспире. С изумлением узнавали они о том, как известны в нашей стране современные английские писатели, как популярны книги Олдриджа, Кронина, Грина, в скольких театрах идут пьесы Шоу, как хорошо знают у нас творчество многих английских ученых и художников, писателей и актеров...

Новые наши знакомые забрасывали нас вопросами. Их интересовало все: наша оценка встречи Н. С. Хрущева с Макмилланом — и жилищное строительство; отношение к испытаниям ядерного оружия — и тиражи детских книг; работа общества «Великобритания — СССР», членами которого мы являемся, — и заработная плата в СССР... В свою очередь, задавали вопросы и мы. И чем дальше длился разговор, тем яснее становилось, сколько нового мы можем узнать друг о друге, как полезны эти личные встречи и беседы, если люди хотят жить в мире и дружбе, если между их странами нет сейчас таких нерешенных вопросов, которые мешали бы их мирному сосуществованию...

Спускаются сумерки, а беседа все длится. И мы видим, что наши стратфордские друзья, так же, как и старый горняк в Уэльсе, фермер в Шотландии или детская писательница в Лондоне, — все, с кем встречались мы здесь, искренне стремятся ближе узнать нас, закрепить эту дружбу, разрушить искусственные барьеры, созданные теми, кто фабрикует «холодную войну».

...И вот уже стемнело, и медная луна поднимается над Эйвоном. Она озаряет памятник Шекспиру на берегу реки и леди Макбет, беззвучно ломающую руки у подножия. Спят в кустах лебеди Эйвона, спрятав головы под крылья. И бронзовый Гамлет, завернувшись в плащ, сидит, озаренный луной, снова и снова повторяя все тот же вопрос, обращенный ко всему миру. Вопрос, на который сейчас каждый простой человек на земле может ответить с большим оптимизмом и большими надеждами, чем было совсем недавно.

Татьяна ТЭСС.

СТРАТФОРД-он-ЭЙВОН —  
МОСКВА.